

*Памяти
Фрица Хёрстемайера
и Люсиль Дитрих*

I

Майский ветерок гулял в цветущих садах. Гроздья сирени, свисающие над старыми стенами, источали густой, сладкий аромат. Художник Фриц Шрамм медленно шел старинными улочками маленького городка. Временами он останавливался, когда небольшой эркер или старосветский фронтон, очень уж мечтательно обозначенный на фоне вечернего неба, привлекал его художнический взгляд. Рука невольно тянулась к альбому, несколько быстрых штрихов — и на бумаге возникал набросок. Вновь остановившись, чтобы зарисовать обветшалую садовую калиточку, он рассмеялся, покачал головой, достал часы и ускорил шаг. Но скоро походка вновь стала небрежно-медлительной. «Пусть подождут, — подумал он, — вечер слишком прекрасен...»

Впереди уходили в вечер влюбленные парочки.

На всех лицах лежал отблеск упоительного дня, скрашивая складки и знаки, напечатленные бедой, трудом и жизнью. Множество мы-

тарств и множество минувших событий словно обернулись обманной иллюзией. Ласковый вечер укрыл мягкими ладонями острые грани будней и прорехи минувшего и тихо говорил: взгляни на весну! Взгляни на весну подле тебя! А майский ветерок шелестел-нашептывал: оставь раздумья... оставь размышления... мир прекрасен... прекрасен... И влюбленные тогда крепче сжимали руки и смотрели друг другу в глаза.

Неизъяснимую тоску по любви навевал благоуханный ветерок с далеких синих гор и из сиреневых садов.

Фриц Шрамм задумчиво проводил взглядом ласточек, со щебетом кружащих в синеве. Потом обронил, с тяжелым вздохом:

— Лу...

Он был в прошлом и продолжал путь, не замечая весны. Каштановая аллея привела его к дому, стоящему чуть в стороне от улицы.

Уже темнело. Синий сумрак лежал на дорогах. Фриц остановился, прислушался. Откуда-то долетала музыка.

Теперь он слышал ее вполне отчетливо. Глуховато-серебристый аккомпанемент рояля и реющий над ним прелестный голос. Вечерний ветер уносил мелодию в сад. Теперь он различал и слова.

Сердце замерло.

Старинная песня звучала в ушах, перед глазами вставали давние образы, и вновь слышался бесконечно любимый, исчезнувший голос.

Взволнованный, он подошел ближе.

Эту самую песню когда-то так часто пела ему Она, исчезнувшая, далекая... умершая... Лу...

С тоскою струился в вечернем воздухе напев:

Где ты, молодость, где ты, молодость,
Невозвратная моя?
Песня юности, песня юности,
Твой напев с тоской вспомнил я*.

Необычайно растроганный и в глубине души потрясенный, Фриц прошел по садовой дорожке, поднялся по ступенькам. А когда оказался у двери музыкальной комнаты, перед ним предстала столь прелестная картина, что он замер как вкопанный.

В комнате густел синий сумрак. На рояле горели две толстые свечи. Их свет слепящими вспышками играл на белых клавишах, насыщал помещение легким золотым сиянием, волшебным ореолом окаймлял белокурые волосы и нежный профиль юной девушки, сидевшей за фортепиано. Руки ее свободно покоились на клавишах. Что-то мягкое, едва ли не меланхоличное осеняло изящно очерченный рот, синие, как море, глаза были полны тоски.

* Стихотворение Фр. Рюккерта. Перевод Э. Венгеровой.

Фриц тихонько прошел дальше по коврам. Одна из дверей отворилась, вышла хозяйка дома.

— Наконец-то, господин Шрамм... — сказала она негромко, сердечным тоном. — Мы уж думали, вы не придете.

— Браните меня, сударыня, — сказал Фриц, склонившись к ее руке, — всему виной вечер, дивный вечер. Однако...

Он бросил взгляд в сторону музыкальной комнаты.

— Да, у нас новая гостья. Моя племянница вернулась из пансиона. Но идемте же, коммерции советница Фридхайм уже сгорает от нетерпения. Да вы и сами слышите.

— Ну да, ну да... — Фриц обменялся с хозяйкой понимающей улыбкой.

Между тем дверь снова отворилась, и к Фрицу, шурша платьем, устремилась дородная дама.

— Он все-таки пришел, наш маэстро! — вскричала она, пожимая ему руки. — Безответственно, поистине безответственно этак вот бросать друзей. — Она с нежностью смотрела на него в лорнет. — Мы жаждем услышать обещанный рассказ о благословенной Италии!

— Вы совершенно правы, сударыня, — улыбнулся Фриц, — но по дороге меня задержали кое-какие интересные наброски. Они у меня с собой.

— В самом деле?.. О, чудно... дайте же посмотреть, ах, как интересно.

С набросками в руке она устремилась в комнаты, остальные двое не спеша последовали за ней.

— Все тот же энтузиазм, — заметил Фриц, — импрессионизм, экспрессионизм, музыка, литература, живопись — ей все едино, она в восторге от всего, что зовется искусством.

— А еще больше — от людей искусства, — сказала хозяйка дома. — Сейчас она намерена расчистить дорогу некоему молодому поэту. Вы тоже его знаете, это молодой Вольфрам.

— Юноша с красными галстуками и свободными ритмами?

— Не судите строго. Молодежи хочется привлечь к себе внимание. А иной умеет выразить свои революционные чувства разве что красным галстуком.

— Вчера я подумал примерно то же, когда встретил бравого сапожника Мюллера. Он отец пятерых детей, муж весьма энергичной особы, в десять вечера должен непременно быть дома, голосует за консерваторов и вполне добропорядочный гражданин. Однажды, когда я обнаружил у него несколько томов Маркса и Лассаля, он рассказал мне, что читал их в юности. Кто знает, кем он тогда хотел стать! Однако жизнь и унаследованный от предков честный бюргерский характер повернули все иначе, нежели он в ту пору думал. И он совершенно доволен.

Так что все его давние юношеские мечты, все великие планы и идеи в итоге реализовались лишь в красном галстуке, который он носит по воскресеньям. Эдакий красный галстук прямо печаль наводит. А в конечном счете, сударыня, намного ли иначе дело обстоит с нами? Что остается от всего? По сути, хорошо еще, коли красный галстук... зачастую-то ведь еще меньше? Локон, поблекшая фотография... умирающая память... пока сам не станешь для других таким же... ах, не стоит думать об этом...

— Конечно, не стоит, дорогой друг, — тихо сказала хозяйка дома, — особенно в мае... в майский вечер.

— И как раз этот вечер наваял мне черные мысли. Не странно ли, что именно красота и счастье наводят на самые печальные помыслы? Хотя на минорный лад меня настроило и кое-что другое...

Из салона донесся трубный голос коммерции советницы:

— Так где же он?

— Там всегда царит до мажор, — улыбнулась хозяйка и прошла с Фрицем в салон.

— Ну наконец-то! — воскликнула советница. — Впору было кое-что заподозрить в вашем стоянии в передней!

— При моих-то сединах? — Хозяйка дома указала на свои еще густые волосы.

— Для таких вещей мы уже чуточку староваты, — сказал Фриц.

— Ах, господи, какая прелесть, вы — и староваты, — прогремела советница. — В ваши-то тридцать восемь.

— Болезнь старит.

— Чепуха... пустые слова. Было бы сердце молодо, тогда весь человек молод! Идите сюда, вопреки моему запрету для вас приберегли чашечку чая!

С этими словами она, несмотря на отчаянные протесты, наложила Фрицу полную тарелку пирожных, которых хватило бы на целую роту.

Фриц немного закусил, потом огляделся по сторонам. Чего-то ему недоставало. Тут дверь музыкальной комнаты отворилась, вошла молодая девушка, а вместе с нею прихлынул легкий аромат сирени.

Хозяйка по-матерински обняла ее за плечи.

— Достаточно намечталась, Элизабет? Господин Шрамм все-таки пришел...

Фриц встал и с восхищением оглядел очаровательную фигурку.

— Моя племянница Элизабет Хайндорф — господин Шрамм, наш дорогой друг, — представила госпожа Хайндорф. На Фрица смотрели синие глаза, узкая рука легла в его ладонь.

— Я запоздал, — сказал Фриц.

— Я хорошо понимаю... когда вокруг такая красота, совсем не хочется быть среди людей.

— И тем не менее стремишься к ним.

— Так странно... к человеку, которого вовсе не существует.

— Быть может, к человечеству в лице человека...

— К чему-то безымянному...

— Наши лучшие стремления всегда безымянные...

— Как жаль...

— Только поначалу... позднее, уже понимая, учишься довольствоваться этим. Жизнь — чудо, но в ней чудес нет.

— О, все-таки есть! — Глаза Элизабет блеснули.

Фрица растрогала искренность ее восклицания. Ему вспомнилась собственная юность, когда он говорил вот так же. И в нем всколыхнулось жаркое желание, чтобы у этого очаровательного существа не отняли веру в чудеса.

— Вы верите, что в жизни есть чудеса, мадемуазель?

— Да, конечно!

— Сохраните же эту веру! Несмотря ни на что! Наперекор всему! Она правомерна!.. Присядьте, прошу вас.

Он придвинул кресло. И девушка уютно в нем устроилась.

— А вы разве не верите в чудеса, господин Шрамм?

Секунду Фриц молча смотрел на нее. Потом твердо и ясно произнес:

— Верю!

Госпожа Хайндорф сделала знак слуге. Тот на подносе подал сигары, сигареты и ликер.

— Вы можете курить, господин Шрамм, — кивнула она Фрицу.

— Моя слабость, — сказал Фриц и взял сигарету.

— Подайте и мне, Пауль! — вскричала советница.

— Сигару, — тихо шепнул Фриц слуге. Тот ухмыльнулся и поднес советнице ящик черных гаванских сигар.

— Не лучше ли подать мне трубку, — возмущенно фыркнула та.

Увидев, что Фриц смеется, она угадала взаимосвязь и погрозила ему пальцем.

— Вы тоже курите? — спросил Фриц у Элизабет.

— Нет, я не выношу, когда женщины курят.

— Вы правы. Не всякой женщине позволительно курить. Вам курить никак нельзя!

— Что он там говорит? — воскликнула советница, предположив новую шутку по своему адресу.

— Мы говорили о курящих женщинах.

— Ну, как художник вы едва ли обывательски нетерпимы.

— Да... но я и смотрю на это с точки зрения художника.

— Как это?

— Курить можно по-разному.

— Но голову окружающим дурманят всегда, — улыбнулась хозяйка.

Советница рассмеялась:

— Потому-то мужчины так много курят, не правда ли, господин Шрамм?

— Конечно. У мужчины курение — потребность, у женщины — кокетство!

— Ах, значит, по-вашему, нам сигареты не по вкусу? Мы не в состоянии их распробовать?

— Почему же. Но чего только женщина не берет в привычку или в отвычку, коли думает, что ей это к лицу или не к лицу.

— Значит, мне курение к лицу? — спросила коммерции советница, насмешливо улыбаясь.

— Я сказал: думает! Это отнюдь не означает, что так оно и есть.

— Маэстро, как жестоко.

— Вы стоите над всеми категориями, сударыня. Уже сама причина курения говорит о том, какой женщине можно курить. А именно: той, что кокетничает.

— Отлично, — усмехнулась советница, делая глубокую затяжку.

— Женщина, у которой внешность мадонны, выглядит с сигаретой неэстетично. Однако демоническому типу сигарета может придать немалую соблазнительность. Вообще, курение больше идет темноглазым брюнеткам, нежели блондинкам. И инстинктивно они это знают. Оттого-то на юге так много заядлых курильщиц.

— Мне курение не по душе, — сказала Элизабет.

В открытое окно долетала далекая песня.

Разговор обратился к будничным вещам. Фриц задумчиво откинулся на спинку кресла, устремив взгляд сквозь сизые клубы дыма и размышляя о незавершенной картине, что стояла на мольберте у него в мастерской. «Избавление» — так он ее назвал, а изображен на ней будет сломленный мужчина, которого девушка ласково гладит по волосам. Для мужчины он натуру нашел. И теперь ожидал лишь озарения насчет девичьей фигуры. Она должна быть светлая, добрая; но пока ничего определенного не выходило. Ей надобно нести свет, доброту и радость. Художник задумчиво посмотрел на Элизабет. Пожалуй, она — такая вот светоносица, преисполненная кроткой серьезности. На фоне темного гобелена прелестный тонкий профиль казался тихой, кроткой сказкой Эйхендорфа.

Она чуть склонила головку.